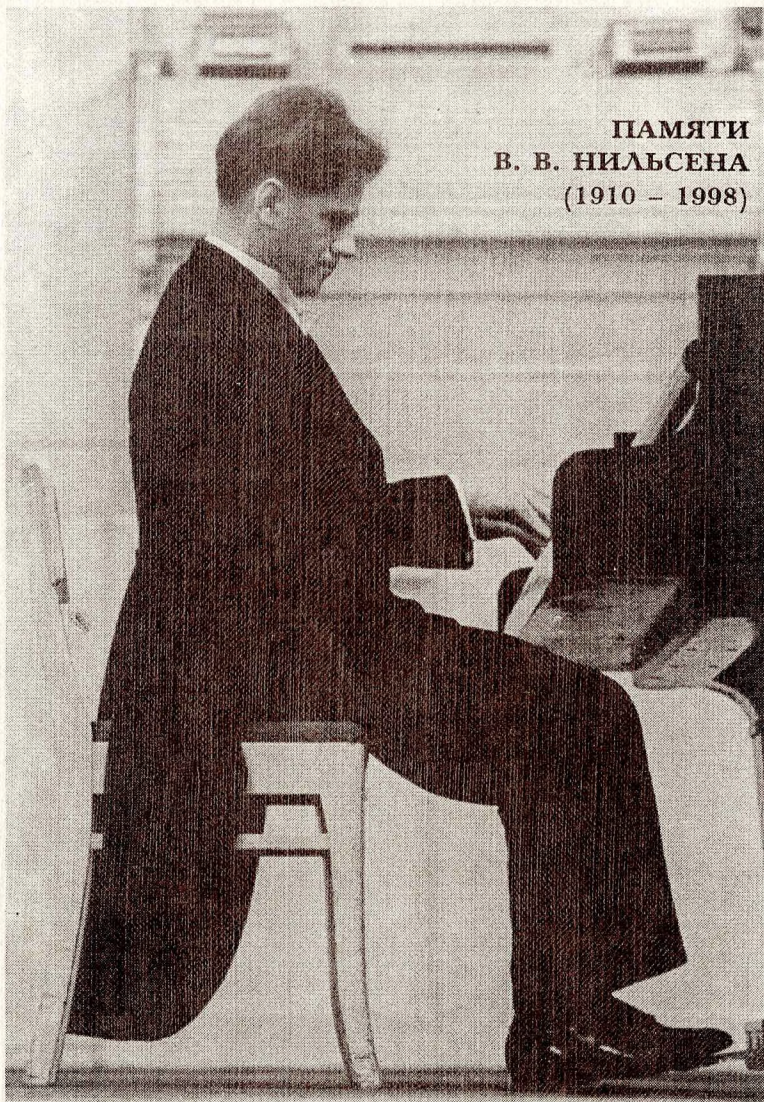

НАШЕ СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

ПАМЯТИ
В. В. НИЛЬСЕНА
(1910 - 1998)

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова

НАШЕ СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

**ПАМЯТИ В. В. НИЛЬСЕНА
(1910 – 1998)**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Издательство «Сударыня»
2004

ББК 85.31

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор искусствоведения,
профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова, заслуженный деятель искусств России
А. Г. Данько;

кандидат искусствоведения,
профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова, заслуженный работник культуры
Н. И. Десярева;

доктор искусствоведения,
профессор Московской государственной консерватории
им. П. И. Чайковского, заслуженный деятель искусств России
Е. Б. Долинская;

Редактор-составитель *Т. А. Зайцева*

Редактор *А. Г. Петропавлов*

В оформлении книги использована фотография В. В. Нильсена
из собрания Музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской
академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича.
На форзацах: титульные листы программ фортепианных вечеров
В. В. Нильсена в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии.

ISBN 5-88718-057-9 © Санкт-Петербургская государственная
консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, 2004
© Коллектив авторов, 2004
© Зайцева Т. А., составление, 2004
© Издательство «Сударыня», оригинал-макет, 2004

История Царского Села в лицах

300-летию

Царского Села посвящается

Эта книга из серии «История Царского Села в лицах» посвящена выдающемуся современному пианисту, создателю одной из ведущих петербургских фортепианных школ В. В. Нильсену. Более 30 лет он прожил в «городе российских Муз». В его дом на бульваре Алексея Толстого стекались ученики и коллеги-музыканты из разных концов России и мира. Гости и жители Царского Села нередко первыми знакомились с новыми программами пианиста. Здесь, на Кузьминском кладбище, музыкант обрел последний приют, навсегда оставшись царкоселом.

Среди работ о Нильсене это первая коллективная монография. Ее составили воспоминания и эссе как известных композиторов, дирижеров, пианистов, ученых, деятелей культуры, так и любителей музыки. Впервые публикуемые архивные материалы позволяют установить музыкальную родословную пианиста, связанную с легендарными именами российских и западноевропейских музыкантов. Панораму жизни и творчества Нильсена существенно дополняют уникальные фотографии из архивов и личных собраний.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся искусством XX века.

ЦАРКОСЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова,
гранта, присужденного сборнику
Пушкинским муниципальным советом
(г. Пушкин – Санкт-Петербург),
Генерального консульства Королевства Норвегия
в лице Генерального консула
господина Отто Йорта Мамелунда,
профессора Оберлинской консерватории (США)
С. С. Закарян-Рутстайн*

Редактор-составитель глубоко признателен рецензентам, а также профессорам Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, народному артисту РФ, композитору, пианисту С. М. Слонимскому, доктору искусствоведения заслуженному деятелю искусств РФ В. В. Смирнову за ценные советы, высказанные в ходе подготовки книги.

Особая благодарность всем авторам, тем, кто устно поделился воспоминаниями, предоставил фотоматериалы, сотрудникам архивов, библиотек и музеев Р. А. Смольяниновой, Г. В. Маркову, Л. А. Миллер, Р. С. Томбак (СПбГК), Л. В. Герашко (ИРЛИ), Г. В. Копытовой (РИИИ), кандидату искусствоведения Н. В. Рамазановой (РНБ), Г. А. Ретровской (Музыкальная библиотека СПб филармонии им. Д. Д. Шостаковича), В. П. Ярошецкой (ЦГАЛИ СПб), а также К. Н. Каубрис, Е. Н. Терлецкой, О. В. Сахаровой.

В осуществлении издания крайне важной была поддержка ректората СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова, заинтересованное участие издательского коллектива.

Татьяна ЗАЙЦЕВА

В ВЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ МУЗЫКИ

*Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи –
Память все жива*

А. Блок

Владимир Владимирович Нильсен был и продолжает быть большим музыкантом современности. Тем горше сознавать драматичность его судьбы, тесно связанной с нелегкими судьбами отечественной культуры. Ибо музыкальную власть предрежащие зачастую искусственно ограничивали контакты пианиста со слушателями. Это обернулось неизбежными потерями для артиста, и еще более невознаградимо оказалось для музыкантов и любителей музыки, недополучивших нильсеновских концертов-уроков, концертов-откровений. Не случайно сегодня Мастер вызывает особый интерес.

Крупная творческая личность, создатель одной из ведущих петербургских исполнительских школ, Нильсен становился частью жизни всех, с кем общался, кто слушал его игру. И это – главное, что он оставил людям. Учитель продолжает жить в учениках, музыкальных «внуках» и «правнуках». Среди выпускников класса Нильсена – профессора Петербургской консерватории

имени Н. А. Римского-Корсакова народный артист РФ, академик РАО, лауреат Государственных премий композитор С. М. Слонимский, заслуженные артисты РФ пианисты И. А. Комаров, Е. В. Шишко, Э. В. Базанов, В. С. Вишневский, П. Г. Егоров, профессора Национальной музыкальной академии Украины имени П. И. Чайковского Л. Е. Цвирко, Н. Н. Протопопова, главный дирижер Большого симфонического оркестра Польского радио и телевидения в Катовицах, директор и художественный руководитель оркестра Национальной филармонии в Варшаве (1977 – 2002) Казимеж Корд, заслуженный артист РФ, профессор Хансейского университета (г. Сеул, Республика Корея) пианист А. С. Святкин и многие-многие другие, кто с успехом выступает и преподает чуть ли не по всему земному шару. Общение с Нильсеном оказалось памятно и тем, кто консультировался с ним даже непродолжительное время. В их числе – народная артистка РФ, профессор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского Т. П. Николаева, профессор консерватории г. Оберлин (США) С. С. Закарян-Рутстайн.

Другая часть духовного наследия Нильсена, сохранившаяся в записях его игры и высказываний, крайне скудна. При жизни вышла всего одна граммофонная пластинка. В периодике рассыпаны немногие интервью и заметки.

В сравнении с обильным количеством концертов Нильсена-пианиста (более 800) число посвященных им рецензий, статей, фрагментов исследований и воспоминаний (около 100) кажется особенно малым. Таковы традиции современной российской культурной жизни. Если в XIX столетии артист на следующий после выступления день мог прочесть о прошедшем концерте ряд заметок в разных печатных изданиях, то сегодня даже премьеры и авторские вечера далеко не всегда – и, как правило, отнюдь не сразу – удостоиваются рецензий.

Есть и другие причины. Сам Владимир Владимирович никогда не занимался тем, что называется «организацией» прессы. Более того: он недоверчиво относился к суждениям критиков, подчас торопливым и поверхностным.

Настороженность к словесным оценкам была связана и с природой музыки, которую пианист не просто любил, но жил в

ней и для нее. По определению Нильсена, музыка – искусство летучее, подобное Жар-птице. Схвати ее – и все мертвеет. Не пыгается ли поймать эту Жар-птицу звукозапись? И можно ли в речи выразить тайну музыки, которая говорит без слов под пальцами пианиста? Поэтому так трудно, почти невозможно писать о Нильсене – поэте зыбких звуковых миров.

Наконец, само искусство Нильсена, далекое от плакатности, шумихи и сенсационности, адресованное слушателю, как бы настроенному на его духовную «волну», естественно ограничивало аудиторию пианиста, а следовательно – сдерживало и журналистский интерес.

Вместе с тем, феномен артиста был такого масштаба, что его не обошли вниманием многие крупные музыканты, исследователи теории и истории пианизма. О Нильсене писали Г. Г. Нейгауз, Н. И. Голубовская, Л. А. Баренбойм, В. Ю. Дельсон, Д. А. Рабинович, Л. Е. Гаккель, Л. Г. Григорьев, Я. М. Платек и др. Однако хоть сколько-нибудь развернутой специальной работы, посвященной Нильсену, не было. И однажды я спросила Владимира Владимировича, почему нет очерка о нем даже в книге «В фортепианных классах Ленинградской консерватории» (Л., 1968): ведь ко времени ее написания он был одним из ведущих профессоров? «Сейчас объясню, – отозвался Нильсен. – Я там должен был быть. И один мой ученик – трудолюбивый, честный, порядочный – вызвался написать обо мне и исписал целую тетрадь. Но когда он дал это мне, я, читая, хохотал целый вечер. А потом показал Надежде¹ и сказал, что не хочу, чтобы обо мне такое писали: “Владимир Владимирович любит бас. Он часто говорит: бас, бас, бас... и все в том же духе”. “Знаешь что, – ответила Надежда, – дай мне. Я напишу, а ученик подпишет”. Но я возразил: “Нет, я не хочу этой фальши!” Поэтому обо мне в этой книжке ничего нет, зато есть о М. Я. Хальфине, о других... И, кстати, ничего хорошего там нет, по-моему...»

После такого сурового приговора (не берусь судить о его справедливости) я оставила возникшую мысль писать о Владимире

---

¹ Так В. В. Нильсен часто называл Н. И. Голубовскую.

Владимировиче. Разве не сам он предпочитал быть музыкантом «без биографии», если биография эта составлялась не должным образом? А нильсеновские критерии подобных штудий не находились ли на недостижимой высоте?..

Но попутно волновало и другое. Почему не обобщен уникальный художественный опыт такого большого артиста и педагога, создателя школы, как В. В. Нильсен, почему это не сделать ему самому? Не последовать примеру горячо почитаемой им Н. И. Голубовской? «Голубовская писала на основании того, что записывали ее ученики, – пояснил мне Владимир Владимирович. – Она не просто садилась и решала писать, скажем, о ритме. Не так. Это выходило непосредственно, само по себе. Голубовская очень много читала докладов в консерватории на самые разнообразные темы. Ученики ее всегда приходили на эти доклады и записывали, потом приносили ей. Она корректировала, и из этого уже что-то делала сама. Был такой доклад: “Категории технических трудностей” (или “пианистических трудностей” – не помню). Там все было разбито на категории. Были собственные очень хорошие упражнения для растяжения, для чисто пианистических задач. Их было немного – в разных тональностях. Упражнения модулировали... Голубовская, конечно, как никто понимала язык музыки, из чего он состоит...»

Но и Нильсен как мало кто понимал язык любимого искусства. Это заставило меня в 1996 г., несмотря на все сомнения, решиться предложить ему писать книгу вместе – на основе бесед с ним. К подобной идее Владимир Владимирович поначалу отнесся с недоверием. «Ну, кому это все нужно?» – не раз повторял он. Но потом увлекся: быть может, форма бесед, живого общения оказалась наиболее близкой Нильсену, занимавшему в принципе «антибиографическую» позицию. В вольном разговоре музыкант делился сокровенными думами о творчестве, об окружающем мире, о себе. Вспоминая былое, он как будто забывал о мучившем его сердечном недуге...

Беседы с Владимиром Владимировичем происходили в течение двух последних лет его жизни (1996 – 1998 гг.). Записывая их, постоянно корила себя: почему так редко это делала раньше, хотя общалась с Нильсеном не один десяток лет. Я была ученицей

шестого класса Детской музыкальной школы Пушкинского района, когда Владимир Владимирович проводил там открытый урок, занимаясь со мной. Потом дал несколько консультаций перед поступлением в Среднюю специальную музыкальную школу при Ленинградской консерватории. Так началось мое вхождение в школу Н. И. Голубовской – В. В. Нильсена. Благодаря заботам Владимира Владимировича в десятилетке я училась у воспитанниц Надежды Иосифовны – сначала у Н. С. Грауэрман, с уходом ее на пенсию – у Н. П. Щемелиновой, а затем у ученика Нильсена И. А. Комарова, по классу которого кончила и десятилетку, и консерваторию. При этом не прерывалось общение с самим Владимиром Владимировичем: я слушала его концерты и уроки, показывала ему свои новые программы. Если бы все тогда сказанное было записано...

Вероятно, только сегодня, с дистанции времени, могу оценить значимость наших последних бесед: мудрый мастер как бы вложил в них свое духовное завещание, адресованное следующим поколениям музыкантов. Это объясняет ту особую ответственность, с которой Владимир Владимирович стал относиться к беседам, иногда излишне волновался и тогда сердито говорил: «Ну, сегодня ничего не получится, у тебя не будет никакого улова...» Когда хоть чуть-чуть отпускали недуги, он нередко уже на пороге встречал словами: «Я тебе так много должен рассказать!..» А однажды признался: «Ты знаешь, я сейчас развалина, но много лучше, чем прежде. Я столько передумал бессонными ночами!..»

Звучавшие в этих беседах суждения – плод зрелых размышлений пианиста, который был свидетелем развития отечественного музыкального искусства в течение чуть ли не всего XX столетия. Как каждый большой художник, он воспринимал жизнь в богатстве красок, диалектическом единстве разных, подчас контрастных составляющих. Поэтому о чем или о ком бы Нильсен ни говорил – а его мир вместил множество имен и событий прошлого и настоящего – он был далек от черно-белых клише, характеризуя явления в сплетении как близких, так и далеких ему сторон. И тем не менее в оценках и суждениях Нильсен был

зачастую субъективен и пристрастен (и это никак не будет комментироваться), ибо принадлежал к числу тех, о ком писал Б. Пастернак:

*Мне по душе строптивый норв
Артиста в силе: он отвык
От фраз и прячется от взоров.*

Полемиическая заостренность суждений прорывалась и в том, как Нильсен формулировал свою мысль – не сразу, а постепенно, будто отыскивая ее в результате спора с самим собой. Наконец, беззаветно преданный музыке, он просто не мог говорить о ней бесстрастно даже по тону.

Задумывая книгу, мы с Владимиром Владимировичем предполагали, что это будет прежде всего рассказ о музыке, которую он так любил, о проблемах исполнительского и педагогического искусства, о музыкантах-современниках – единомышленниках и оппонентах. А вот о том, какова будет композиция этого рассказа, как он развернется, к какому придет финалу – обсуждать не стали. И еще: надо было спешить, ибо силы Владимира Владимировича иссякали. Поэтому я предпочла фиксировать то, о чем ему в первую очередь хотелось рассказать.

Некоторое время спустя Нильсен, довольный, одобрил подготовленный мною фрагмент бесед с ним², окончательно поверив, что и книга состоится.

Но кто знал, что жить ему оставалось меньше года? Его болезнь и моей «жизни мышья суета» мешали работе. Многие мы не успели. Так, Владимир Владимирович не раз настойчиво повторял: «Я обязательно должен тебе рассказать о Шумане!..» Но – не сбылось. Удалось зафиксировать лишь беглые заметки, посвященные Шуману. А сколько еще осталось несказанного...

И книгу пришлось создавать без него. При этом я пыталась продолжить разговор с пианистом, вообразив его читателем. Отобрать те материалы, которые были бы интересны Нильсену, включить отклики преимущественно тех, к кому он относился с особой симпатией, ценил как музыкантов. Хотя, конечно, из

---

² Нильсен В. В. Былое и думы (из бесед с Т. А. Зайцевой 16, 23 и 10 ноября 1997 г. // Балакиреву посвящается / Ред.-сост. Т. А. Зайцева. СПб., 1998.

Знают, живы и действительны бакалаврские традиции не только в области солидолизма, но и в сфере исполнительства и педагогики. Это мы не судимся неужели-верно! Наматываясь всемогущему музыканту и его "Новый русский стиль".

15. 01. 1987.

Рукопись Т. Зайцевой, завизированная В. Нильсеном

нильсеновского круга близких, коллег и друзей далеко не все вошли в число авторов, да и под силу ли это одному изданию? Была и другая задача: попытаться увидеть творческую фигуру Нильсена в широком историко-культурном контексте, сквозь призму взглядов, характеристик, суждений самых разных людей. При этом не надо искать здесь ни исследовательских штудий, ни методических выкладок: думается, для них еще не пришла пора. Воспоминания современников и архивные документы – то, что особо привлекало Нильсена в литературе о музыке, – составили и книгу о нем. Вошедшие сюда публикации разнятся и по избранным сюжетам, и по жанрам. Но все они как будто варьируют одну главную тему. Ибо их авторы явно солидарны с Нильсеном, считавшим: «Мы же с Вами музыканты! Сколько бы мы с Вами ни говорили на другие темы, мы обязательно в конце концов заговорим рано или поздно о музыке!» Отсюда название книги – «Наше святое ремесло». Есть и своя «музыкальная» драматургия в чередовании разделов, где на первый план выходит то «рельеф», то «фон» – то Нильсен, то его легендарные предшественники. Важным цементирующим моментом выступает слово Владимира Владимировича: диалоги с Нильсеном цитируют буквально все, кому довелось с ним общаться. Он обычно выражал свою мысль афористично и ярко, так что ничего не стоило удержать ее в памяти на протяжении не то что лет, но десятилетий.

Первый раздел – «И другой мне дороги нету...» – «книга в книге», где прослежена жизнь артиста. Этот очерк-эссе основан, как задумывали мы с Владимиром Владимировичем, на материалах бесед с ним³, а также архивных источниках, откликах в прессе, личных свидетельствах тех, кто Нильсена знал.

Второй раздел – «Глазами современников» – посвящен воспоминаниям. О музыканте рассказывают самые разные люди. Это известные композиторы, пианисты, дирижеры, ученые, педагоги, музыкальные деятели, коллеги и ученики, включая любителей музыки, живой реакцией которых Нильсен дорожил. Причем в публикациях этих немало переключек, которые перекидывают объединяющие арки от одних воспоминаний к другим. Самобытность нильсеновской личности заставляла говорить о его некой «странности» (В. Чернушенко, С. Мальцев). Не свидетельствовала ли о духовной близости натур Нильсена и Шопена важная подробность, замеченная А. Александровым и А. Рошиной: особая проникновенность игры в камерной обстановке, среди коллег и друзей? Наконец, лейтмотивом большинства воспоминаний стали размышления о драматичной судьбе артиста (Д. Башкиров, С. Закарян, И. Семенова, В. Смирнов, В. Чернушенко, С. Мальцев и др.). В результате из сложенной здесь мозаики фактов и личных наблюдений рождается достоверный образ артиста, чья творческая орбита была удивительно широкой.

В третьем разделе – «А тот, кого учителем считаю...» – впервые публикуются письма и документы, хранящиеся в личных фондах М. А. Балакирева, С. М. Ляпунова, Н. И. Рихтера, С. А. Бармотина, Н. И. Голубовской и других музыкантов, прямо или косвенно оказавших значительное влияние на художественное становление пианиста. Материалы эти позволяют увидеть богатую и разветвленную музыкальную родословную Нильсена. Сборник же в целом, как хочется верить, поможет приблизиться к постижению художественного феномена истинного петербуржца по имени Владимир Нильсен. И имя это в вечном движении музыки не должно быть забыто!

---

³ В тексте фрагменты бесед с В. В. Нильсеном цитируются без предварительных комментариев, с сокращением имен: В. Н. – Владимир Нильсен, Т. З. – Татьяна Зайцева.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Зайцева. В вечном движении музыки 5

«И ДРУГОЙ МНЕ ДОРОГИ НЕТУ...»

Татьяна Зайцева.

НАШЕ СВЯТОЕ РЕМЕСЛО	13
«Петербург!.. у тебя телефонов моих номера...»	13
Зов церкви	15
Из родословной	18
В преддверии консерватории	21
Alma mater	23
О даре педагога	27
Н. И. Рихтер	29
С. А. Бармотин	37
Vox humana	44
Надежда	47
Жизнь артиста	67
Профессор	86
Мысли вслух	92
Пестрые листки	149

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Владислав Чернушенко.

ХРАНИТЕЛЬ СВЯТЫНЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 167

Сергей Мальцев.

ШКОЛА Н. И. ГОЛУБОВСКАЯ – В. В. НИЛЬСЕН:

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ 171

Сергей Слонимский.

«МОЙ САМЫЙ УДИВИТЕЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ-АРТИСТ» 180

Седмара Закарян-Рутстайн.

МУЗЫКАНТ ОТ БОГА 182

Дмитрий Башкиров.

РЫЦАРЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА 185

<i>Рудольф Керер.</i>	
БОЛЬШОЙ МУЗЫКАНТ	187
<i>Вера Горностаева.</i> Публикация Татьяны Зайцевой.	
«ОДИН ИЗ МОИХ УЧИТЕЛЕЙ»	188
<i>Ирина Семенова.</i> Публикация Татьяны Зайцевой.	
«МЫ ВСЕ ПЕРЕД НИЛЬСЕНОМ ВИНОВАТЫ»	196
<i>Станислав Скрявичевский.</i>	
«ИСПОЛНЕНИЕ БЫЛО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ»	201
<i>Андрей Петропавлов.</i>	
ИСКУССТВО В. В. НИЛЬСЕНА: СВЕТ И ТЕНИ	202
<i>Игорь Фратини.</i>	
ЗАПИСКИ НЕМУЗЫКАНТА	207
<i>Валерий Смирнов.</i>	
МИМОЛЕТНЫЕ, НО НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ	210
<i>Николай Кожевников.</i>	
ПОЛАГАЯСЬ НА СЕРДЦЕ И РАЗУМ	215
<i>Александр Александров.</i>	
«НИЛЬСЕН – ЭТО МУЗЫКА...»	220
<i>Аза Рощина.</i>	
ПИАНИСТ-ПОЭТ	222
<i>Татьяна Рощина.</i>	
В. В. НИЛЬСЕН И ФОРТЕПИАННАЯ КУЛЬТУРА КИЕВА	227

«А ТОТ, КОГО УЧИТЕЛЕМ СЧИТАЮ...»

<i>Татьяна Зайцева.</i>		
О МУЗЫКАЛЬНОЙ РОДОСЛОВНОЙ В. В. НИЛЬСЕНА	238	
М. А. БАЛАКИРЕВ И С. М. ЛЯПУНОВ	255	
С. А. БАРМОТИН	287	
И. А. БОРОВКА	299	
Н. И. РИХТЕР	305	
А. А. РОЗАНОВА-НЕЧАЕВА	309	
Н. И. ГОЛУБОВСКАЯ	313	
В. В. НИЛЬСЕН	345	
<i>Иосиф Райскин.</i>	В кругу Нильсена	346
<i>Татьяна Зайцева.</i>	Hommage à Nilsen	350
<i>Валерий Демидов.</i>	«Моим внукам и правнукам»	353

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы из личного дела В. В. Нильсена	356
Список звукозаписей	366
Список сокращений	369
Список иллюстраций	370
Сведения об авторах	373
Именной указатель	375

SUMMARY

This book is the first monography about the distinguished pianist Vladimir Nilsen, written by the group of authors. The monography includes all kinds of reminiscences of different famous composers, conductors, pianists, figures of culture and music-lovers.

The mass archives materials also entered the book. Among them there are the letters by M. A. Balakirev, N. A. Rimsky-Korsakov, A. K. Glazunov, S. M. Lyapunov and other musicians connected with Nilsen's musical pedigree. His life panorama is fully represented by photoes from the archives.

The book «The Sacred Trade of Ours» is dedicated to the memory of pianist Nilsen by his colleagues, friends and pupils. It must be of great interest to all those, whose passion is the art and history of the 20th century.

Translated by A. Ardova

ББК 85.31

Наше святое ремесло. Памяти В. В. Нильсена (1910 – 1998). Ред.-сост. Т. А. Зайцева. Санкт-Петербург, издательство «Сударыня», 2004. 392 с., ил.

Среди работ о В. В. Нильсене – выдающемся пианисте современности, создателе одной из ведущих петербургских фортепианных школ – это первая коллективная монография. Ее составили воспоминания и эссе как известных музыкальных деятелей, так и любителей музыки. Впервые публикуемые архивные документы позволяют установить музыкальную родословную пианиста, связанную с легендарными именами российских и западноевропейских музыкантов. Панораму жизни и творчества Нильсена существенно дополняют уникальные фотографии из архивов и личных собраний.

Книга адресована всем интересующимся искусством XX века.

ISBN 5-88718-057-9

Редактор *А. Г. Петропавлов*
Выпускающий редактор *М. В. Тоскина*
Технический редактор *В. А. Никееенкова*
Компьютерный набор *И. В. Фомичева*
Корректор *Т. Гуренкова*

Издательство «Сударыня»,
Санкт-Петербург, Московский пр., 149 В, офис 320,
тел. (812) 388-93-41

Отпечатано в типографии издательства «Сударыня».
Подписано в печать 19.09. 2004. Печать офсетная. Формат 60x84/16.
Печ. л. 49. Гарнитуры «Баскервиль», «Бриз», «Декор», «Академия».
Тираж 420 экз.